

НА ЗАКАТЕ.

“...Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло неожиданно,
И в этих сумерках, и в этой тишине,
Упреком горестным оно предстало мне?...”
А.К. Толстой. “На тяге”

С утра было пасмурно, а днем даже раза два принимался моросить дождь, но когда повечерело и подошло время, идти на тягу, то небо стало понемногу расчищаться, и на западе, над вершинами сосен образовался голубой резервуар, в который вот-вот должно было погрузиться вечернее солнце.

Алексей Константинович Толстой надел сапоги, охотничью куртку, снял со стены ружье и, проходя мимо зеркала, подумал, что много уже воды утекло с тех пор, как Брюллов писал с него портрет – лет, этак, наверное, тридцать: розовощекий юноша трепещет в ожидании дичи... пожилой мужчина с осунувшимся лицом и мешками под глазами беспокойно оглядывается – не забыл ли чего, собираясь на охоту. Но все же “на охоту”! И тогда и сейчас. И через всю жизнь прошла эта страсть, это волнение, эти ароматы...

Алексей Константинович вышел на крыльцо и собрался было позвать кучера, чтобы велеть седлать, но потом раздумал и решил идти пешком. Он представил себе, как приятно будет идти не спеша по полю, пересечь рощу, войти в сосновый лес и, пройдя с версту, свернуть с дороги направо и выйти на косогор, спускающийся к заболоченному лугу. Там в березовом мелкоколесье, на краю большого леса, в весенние закатные часы любил он дожидаться момента, когда неохотно смолкают дрозды, и тишина входит как предвестник магических звуков, заставляющих учащенно биться сердце охотника.

Алексей Константинович спустился с крыльца и только успел коснуться ногой земли, как почувствовал обжигающую боль, которая, возникнув в спине, раскаленным железом прошла по всему торсу.

"Неужто все сначала?" - мелькнуло в голове, - "Неужто как тогда, в Одессе..." И страшная картина беспомощности, боли, удушья, неспособности двинуться встала у него перед глазами.

Он хотел опуститься на крыльцо, но боли уже не было. Она исчезла также внезапно, как и явилась, не оставив никаких свидетельств своей реальности. Разве что пространство вокруг распахнулось еще шире, еще явственнее стал чудный запах, исходящий от земли, еще звонче в предвкушении вечерней зари защебетали птицы.

"Это был лишь отдаленный раскат грома. Гроза ушла и, даст бог не вернется".

Он почувствовал необычайную бодрость, и ноги его легко и молодо зашагали, подминая влажную траву и разбрызгивая многочисленные лужи.

Когда он вышел из большого леса, заря уже догорала. Он прошел метров двести по сквозившему на зареве березняку и остановился под одной из сосен. Птицы начали смолкать, и юный лес постепенно погружался в дремоту.

Алексей Константинович снял с плеча ружье, наклонился, чтобы достать нужный патрон и увидел, что около его сапога на поверхности лужи лежит кусок неба и облако.

Подул ветерок и облако задрожало и побежало по волнам "...суетно и спешно, как бежит здесь все, как вот уже больше полувека бежит и моя жизнь, постепенно теряя силы и замедляя бег.

А ведь было время, когда я день ото дня становился все сильнее и сильнее. Кажется недавно в Петербурге на вечере у Шемиотт я по очереди поборол всех поляков, которые пробовали свою силу со мной, а ведь некоторые из них были громадные. Сколько мне

тогда было? Наверное, лет тридцать шесть. А еще там была молодая княгиня Сангушко. До чего ж хороша!..."

В этот момент до слуха Алексея Константиновича донесся хриплый, утробный звук, мгновенно заставивший его забыть и про Петербург, и про княгиню Сангушко, и кажется вообще про все на свете, обратив его в сплошное зрение и слух: "Ну, где же, где же ты?". Но вальдшнеп пролетел стороной, вне выстрела, краем большого леса.

Алексей Константинович подумал, что, наверное, надо было бы стать полее и собрался было уже перейти на другое место, как "трепещущая черта" возникла в конце поляны и потянулась к нему... Хор, Хор, Тсск, Тсск.

Он замер в своем укрытии, подпустил птицу поближе, выдвинулся на пол-аршина вперед, вскинул ружье... и вот уже вальдшнеп колесом падает к ногам охотника.

"Молодец Толстой! Не разучился еще стрелять. Ну, иди, иди в ягдташ, красавец длинноносый. До чего хорош! Ведь сколько я их в жизни перестрелял, а все не устаю любоваться. Какой нос! Прямо как шпиль ...Веймарской кирхи. ... Ну давай еще.»

Но прошло с полчаса, а ни один вальдшнеп больше не «протянул». Заметно потемнело, и вместо уплывшего облака на поверхности лужи появилась звезда.

«Наверное уже больше не потянут. Что-то маловато сегодня. Погода может быть меняется. Прохладно как-то... Ну да не беда, сейчас ведь только начало мая, еще целый месяц будут тянуть.... Может быть как-нибудь и на глухаря съезжу.

Я, помнится, написал тогда Марковичу, что во всем мире нет ничего более поэтичного и таинственного, чем глухариный ток... Разве что, вот тяга. Только тяга более меланхолична. На току переживаешь рассвет, на тяге переживаешь закат... Да, шпиль Веймарской кирхи. Чтобы его увидеть, мне не надо садиться в поезд. Достаточно закрыть глаза и вот передо мной и кирха, и маленькое кладбище на Jakobskirchhof, где похоронена жена Гёте и набережная Дрездена, и улочки Мейсена, и дома, карабкающиеся по склону горы, и Die Burg, вознесенный высоко над Эльбой... И все это в какую-то долю секунды, также как однажды, нюхая рыжик, я увидел перед собой, как в молнии, во всех подробностях, все мое детство...

Подумать только, я сидел на коленях у Гете. Даже не верится, что такое могло быть. А ведь это было. Меня гладила по голове рука, написавшая "Фауста"....

Тургеневский "Фауст" мне почему-то не понравился, хотя в чем там дело, толком не помню. Почему бы Тургеневу ни приехать со мной поохотиться. Ведь сколько раз я его приглашал. И он никогда не отказывается, но всегда как-то уходит от приглашения.

Трудно понять, что у него в мыслях на самом деле. Как он тогда безмерно хвалил эту ерунду, которую читал Писемский. А когда на следующий день я сказал, что вполне отрицаю талант Писемского, то что-то довольно вяло его защищал.

Конечно, он очень благородный человек, и все-таки... это его странное положение в семье Виардо, и здесь он как-то лишь наездами.

Что подделаешь, он художественная натура. А художественные натуры не дают корней в повседневную жизнь. Они могут принимать форму разных людей, положений, но вещество, из которого они созданы - эфемерно. Поэтому в жизни они зыбки и ненадежны... Как облака... Вот то, например, похоже сейчас на льва... Боже, до чего красиво. И какой во всем покой, какая безмятежность. Какой контраст с базаром человеческой жизни... Стоп! Снова где-то хоркает... Нет, не видать. Темновато уже... с базаром жизни, о чем это я?

Нет, нет, все же Базаровым нельзя не восхищаться. Мне бы он, наверное, сказал: "Прошу тебя, не говори красиво". Аксаков тоже меня упрекал, что у меня много торжественности.

Я ему тогда ответил и конечно его не переубедил: слишком мы разные. Но в этом ответе есть строки, которые точно передают мое мироощущение. Вот хоть эти:

Но то, что чисто и достойно,

Что на земле сложилось стройно

Для человека, то уже ль

В тревоге вечной мироздания
Есть смысл высокого создания
И окончательная цель.

Неужто это тоже только торжественно-красивые фразы? Нет, нет, я так ясно чувствую реальность, которая за ними стоит.

А есть люди, для которых все это – terra incognita. Им не кажется, что лес, освещенный лучами заходящего солнца, это лишь отблеск вечной красоты. Они воспринимают мир проще. Слезы у них не льются так легко, как у меня, и они не впадают в экстаз, стоя на тяге, или сидя в гондоле, которая скользит мимо дворцов Венеции... Но зато они не так ранимы, стрелы жизни не колют их так больно, и они не расстраиваются так легко по причине иногда столь незначительной. Кто ж из нас ближе к совершенству?

Флорентиец, пожалуй, отдает предпочтение нам...

"Наукой сказано твоей,
Что чем природа совершенней в сущем,
Тем слаще нег в нем и боль больней..."^x

На самом же деле все это не имеет большого значения. Торг, который мы все время ведем с жизнью - так жалок.

Я видел много прекрасного, пережил минуты вдохновения, а теперь... заря уже почти догорела и скоро будет совсем темно.

Куда же делось все то, что я видел и пережил? Многое промелькнуло бесследно, но кое-что все-таки удалось удержать. Часть образов, которые витали вокруг меня, я остановил, наделил плотью, дал им земное бытие: они в моих стихах, драмах, они сделались частью мироздания,... подобно облакам, подобно деревьям. И только в этом, в творчестве вижу я оправдание своей жизни.

Если бы я мог создать что-нибудь подобное той голове фавна, которую дядя купил в Венеции у Гримальди. Интересно, что чувствовал Микеланджело, когда ваял эту голову? Надо будет обязательно поехать в Италию... как там было хорошо... дай бог, чтобы оно было так опять.

Мы с Соней^x поедem опять по дороге в Остию и будем видеть светлых букашек и больших быков, и мужичков в косматых панталонах. И вдаль увидим горы, которые не то горы, не то облака, не то музыка, не то запах цветов. И услышим, как жаворонки поют, и как кричат ослы. И поедem по улицам и там будет скверно пахнуть, а потом приедem к какой-нибудь церкви, и нас впустит живописный монах, и мы увидим мозаики и пол из opus alexandrinum. И в Колизей пойдem пешкой, и там сядem и будем смотреть в двери и увидим через них кипарисы и пинии. И потом придут братья милосердия и будут молиться... И в галереи мы станем ездить, и пойдem опять ночью бегать по Piazza del popolo с завязанными глазами, а мраморные львы будут шуметь, шуметь фонтанами, и месяц выйдет из-за Monte Pincio. Ибудет так тепло, и будет пахнуть померанцами, и на Корсо будут освещены agnajoli, и магазины с картинками, и мы купим себе транспарант церкви св. Петра... Рим никому не чужд, всякий находит в нем свою Родину, с какого бы края света он ни пришел. Ведь и наш великий Гоголь писал свои "Мертвые души" в Риме.

Да, Рим, Рим... Ивсе же нет ничего лучше России...Когда герцог Саксен-Веймарский пригласил меня в Вартбург, и я стоял на башне, на которой лет за 300 до меня, наверное, стоял Лютер и смотрел на разноцветные волны Тюрингского леса и на бегущие вниз сосны, дубы и липы, то я вдруг мгновенно перенесся на этот косогор, почувствовал душистый запах березы, увидел, как, пробившись сквозь прошлогодний лист, синее в лесу медуница, и сердце мое наполнилось таким блаженством, что я замешкался ответить на какой-то вопрос герцога, потому что пенье дроздов, бормотанье тетеревов и кваканье лягушек заглушили его слова.

"Конец? Как нелепо... А впрочем, почему нелепо? Для охотника и певца природы разве это не лучший конец?"

И вот я здесь. И кругом так же прекрасно. И таким же это все останется, когда я уйду: также будут шелестеть на ветру и отражаться в лужах, блекнуть, затихать, погружаться во тьму, а потом снова зеленеть, розоветь, наполняться звуками. Мир без меня. Чем старше становлюсь, тем более реально себе это представляю. Раньше, в молодости, мысль о том, что я уйду, а он останется, казалось мне невозможной.

Кажется, я легче примирился бы с обратным. Теперь же что-то изменилось во мне. Может быть, я стал меньше для себя значить, или просто устал: но только мысль эта совсем перестала меня огорчать, пожалуй, она превратилась даже в источник успокоения, почти радости. Странное что-то происходит, когда пытаешься представить жизнь без тебя: пропадают желания, пропадает страх, как будто перестаешь быть собой и оживаешь в вещах, которые тебя окружают.

Помню как совсем недавно, после болезни, когда еще не мог пройти и ста шагов, чтобы не начать задыхаться, я спустился с террасы и, дойдя до ближайшей липы, остановился передохнуть. Стою и смотрю на дом, на флигель, на кухарку Авдотью, которая пытается что-то втолковать повару Денису, на лиловую тучу, наплывающую с запада... И вдруг случилось что-то со мной. Заснул я, что ль на секунду или что-то другое произошло, только увидел я вдруг все это совсем иначе, совсем не так, как видел несколько мгновений назад. Петухи поют, горят огоньки в деревне за озером, собака выбежала из дома, а меня нет, а если и есть, то не сейчас, не в этом дворе, и сам этот двор - не часть моего пути, моей усталости, а самостоятельный мир, живущий своей жизнью, глядящий на меня с картины, как смотрят сотни дворов и парков, и каналов, которые тоже когда-то на миг становились частью чьей-то жизни, а потом выскальзывали из нее, потому что никогда ей и не принадлежали, и сливались друг с другом в вечном круговращении, в таинстве, в действе, именуемом жизнью.

И, вздохнув, я побрел дальше. Все тот же, и все-таки чем-то не совсем тот же.

Мать честная! Это что ж такое?

Такая глушь, такая тишина и вдруг телята. Откуда они тут? Пасет их кто-нибудь или сами забрели?

Пора уже идти. Темно совсем. Что-то мне опять воздуха не хватает, и не по себе как-то... а тут еще тельцы обступили меня, тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою как лев, алчущий добычи и рыкающий... Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище... Конечно, псалмопевец был отцом всех поэтов. Почему Пушкин решил, что он был маленького роста?... Боже мой! Боже мой! Для чего ты оставил меня?

. Алексей Константинович шагал по тропинке сквозь мелколесье, которое уже не походило на кружевной узор, обрамлявший вечерние небеса, а было глухо и неприветливо. Один раз он сбился с тропинки, и ветки сомкнулись перед ним, преграждая черный коридор плыл перед глазами, а в позвоночник уже входила боль. Она еще не вонзилась в спину, в голову, в торс, но он чувствовал, что она здесь, не выпустит его из коридора, будет душить, как душила недавно в Одессе.

Он остановился и прислонился к дереву.

Из леса донесся вдруг запах травы и сырого мха, землядохнула теплом, где-то над головой защebetал дрозд, и, пересилив себя, он пошел дальше...

Лес отпустил его. Он вышел в поле и снова остановился. Раскинувшийся над головой свод был усыпан звездами. Он прислушался, надеясь, что из невидимых сейчас кустов, донесется знакомое шелканье соловья. Но соловей молчал, подчиняясь царящему вокруг покою.

Была ночь, была дорога через поле, было мерцанье звезд, а боли не было. Она так и не настигла его, отстала на повороте темного коридора, запуталась в мелколесье... Он попробовал вздохнуть, и тотчас же поток ночного воздуха влился в него, унося, растворяя тревоги и страхи только что мучившие его и увлекая за собой вместе с полем, лесом и звездами в могучем и дивном круговращении жизни.

Все недавно пережитое: раздумья на тяге, дорога через лес, приступ удушья, страх показались ему в этот миг далеким и светлым воспоминанием. Затем чувство реальности вернулось к нему. Он двинулся вперед и, пройдя немного, увидел просвечивающие сквозь рощу огоньки дома.